

Онтологический синтез является основанием кантовского учения о схематизме чистых рассудочных понятий.

Трансцендентальная философия (онтология) содержит поэтому систему синтетических основоположений и связанных с ними конститутивных категорий рассудка. В отличие от догматической онтологии новоевропейской метафизики «простая аналитика рассудка» включает в себя исследование условий возможности опыта. Онтология теперь должна пониматься не как наука универсальных предикатов сущего, но как исследование «трансцендентального единства синтеза воображения» являющегося «чистой формой всякого возможного познания»⁶⁴.

Этот результат может оказать серьезное влияние на изменение позиции в отношении феноменологических исследований Гуссерля и Хайдеггера. Здесь открывается возможность содержательной интерпретации тезиса, в соответствии с которой подлинная онтология всегда является феноменологией.

Р. С. Для работы над этой статьей я пользовался следующими источниками:

1. Kant I. Gesammelte Schriften (Akademie-Ausgabe). Berlin, 1900 ff.
2. Kant I. Werkausgabe: in 12 Bänden. Hrsg. von W. Weischedel. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1989.
3. Кант И. Сочинения: в 6-ти тт. М.: Мысль, 1963–1966.

Для удобства читателя и в соответствии со сложившейся в отечественной традиции манерой все цитаты даны с указанием на русскоязычные источники. Однако существующие варианты перевода зачастую оказывались совершенно неудовлетворительными. Я счел возможным внести необходимые изменения в текст перевода, сохранив при этом ссылки на доступный не владеющему языком оригинала читателю текст. Заинтересованному специалисту не составит никакого труда сверить эти изменения с соответствующими фрагментами немецкоязычного издания.

ПРОБЛЕМА ОСНОВАНИЙ ОНТОЛОГИИ И СЕМАНТИКА

Д. В. Анкин

доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания Департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

В данной статье мы не ставим собственной целью получить и семантически обосновать какие-то принципиально новые результаты

⁶⁴ Там же. С. 712.

в области онтологии. Перед нами стоит задача гораздо более скромная: привлечь внимание читателя к некоторым современным постановкам онтологических проблем в рамках философии языка и перспективным, с нашей точки зрения, методам их исследования.

Обратим внимание на традиционный вопрос: являются ли онтологические категории «предельно общими понятиями», охватывающими предельно широкие классы объектов? Представляется, однако, что говорить о том, что онтологические категории выделяют предельно широкие, предельно общие классы объектов неправомерно. Возьмем, например, некоторую систему онтологических категорий, включающую категории качества и количества. Можно ли говорить, что категория количества образует класс объектов отличный от того класса объектов, который образует категория качества? Очевидно, что такое понимание категорий качества и количества достаточно абсурдно. Какие такие онтологические объекты могли бы иметь количество, не имея при этом качества, и наоборот? Очевидно, что подобных объектов в мире не существует, по крайней мере, их нет в области материального бытия (область идеального бытия включает числа, вопрос о качественной определенности которых может считаться дискуссионным). Следовательно, представление о том, что онтологические категории могут использоваться для классификации всего существующего ошибочно. Тем самым, мы привели пример, противоречащий толкованию онтологических категорий в качестве «предельно общих понятий»; онтологические категории не могут в общем случае рассматриваться (определяться) в качестве «предельно общих понятий», что и требовалось доказать (аналогично у Дж. Пассмора⁶⁵).

Есть ли тогда онтологические категории некоторые объективные основания, или их следует толковать исключительно в качестве выражения некоторой философской субъективности? Против последнего следует решительно возразить. Когда исследуется объективное содержание мысли (философской, научной или иной), тогда вести какой-либо разговор о «субъективности» мыслителя, о его «голове», по меньшей мере, несерьезно. Нам представляется, что говорить о «голове» при исследовании объективного содержания некоторой философской мысли столь же несерьезно, сколь несерьезно было бы говорить о восходах и закатах солнца в рамках астрономических исследований. Мысли столь же мало могут находиться в чьей-то «голове», как мало солнце может «восходить» или «заходить». Обыденный язык неадекватен в области всякого объективного познания, в том числе и философского, «голова» не имеет никакого значения, когда мы интересуемся проблемой обоснования той или

⁶⁵ См. подробнее: Пассмор Дж. Философское рассуждение // Путь. 1995. Вып. 8. Гл. 7. Отнесение к категориям. С. 97–120.

иной онтологии. Настоящее обоснование не требует упоминаний о чьих-либо «головах».

Обратимся к вопросу о возможности объективных оснований, о возможности общезначимых принципов, лежащих в основании той или иной системы онтологических категорий. Если принять наше понимание соотношения мысли и «головы», то следует также признать отличие поставленного вопроса от историко-философского вопроса о том, как понимается и объясняется происхождение некоторой системы категорий самим ее создателем⁶⁶. Пусть, например, Аристотель не объясняет нам основания собственной системы категорий, однако отсюда вовсе не следует, что объективных оснований у нее нет. Как свидетельствуют многочисленные исследователи аристотелевской онтологии, объективные основания у нее имеются. В этом плане интересны работы Э. Бенвениста, который находит основания аристотелевской онтологии в грамматике древнегреческого языка (что, конечно, не исключает возможности наличия иных, не грамматических оснований). Бенвенист считает, что древнегреческий язык имел ровно десять основных грамматических категорий, которым в точности изоморфна и транспозицией которых является система десяти онтологических категорий Аристотеля⁶⁷.

Возможно, существует даже некоторая зависимость онтологии и от лексики. Так, по-видимому, традиционные категории бытия и сущего ни у Аристотеля, ни у других античных философов еще никак не могли разводиться по причине отсутствия в древнегреческом языке разнокоренных слов для их обозначения. Для разграничения означающих указанных философских терминов потребовалась латынь, а для разграничения означаемых – христианская теология (Творец – «Бытие», а все тварное – «Сущее»).

⁶⁶ Очевидно, что философ вполне может ошибаться как в отношении источника собственных идей, так и в отношении их места среди идей других мыслителей. Дело вовсе не в нашей претензии на лучшее чем у самого автора системы категорий знание этого – мы не претендуем на безошибочность своих собственных толкований, – а в попытке найти независимые от чьей-либо субъективности основания (принципы) данной системы (например, структурные, логические, и др.). Например, если бы Парменид и Гераклит встретились на Том Свете и беседовали бы между собой, они наверняка бы договорились в отношении существования некоего абсолютно-Единого. Другой вопрос, представляющий несомненный интерес для историков философии Того Света: Бытия, Логоса или чего-то Третьего?

Под «историками философии Того Света» я имею в виду, прежде всего, Льва Шестова, заявлявшего, что «Гераклит с Парменидом не только на этом, но и на том свете, если б им пришлось встретиться, не сговорились бы» (Шестов Л. Сочинения: в 2-х тт. М., 1993. Т. 1. POTESTAS CLAVIUM (Власть ключей. Часть третья. Memento mori). Что на это скажешь! Шестову без сомнения видней, чем мне или Вам, уважаемый читатель.

⁶⁷ Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 104–115.

Зависимость системы философских категорий от языкового строя, влияние на нее характера языка – например, его синтетичности/аналитичности – отстаивает и М. К. Петров⁶⁸. Вероятно, данная связь философии и естественного языка толкуется у Петрова иногда слишком жестко, степень ее преувеличивается. Вероятно, не все опосредования между языком и культурой учитываются. Тем не менее, нельзя не признать, что исследования М. К. Петрова представляют необычайную ценность по интересующему нас вопросу и ждут своего дальнейшего критического исследования.

Мы полагаем, что философский дискурс необычайно далек от обыденного языка и словоупотребления по своей знаковой организации⁶⁹. Нет ничего более чуждого по своим структурным характеристикам естественному (точнее – обыденному) языку, чем философский дискурс, однако это не исключает, что некоторые типы философии могут по своей форме выражения (поэтике, образности и т. д.) бесконечно близко к нему приближаться. Дело в том, что значения языка могут использоваться и используются всеми философами в функции рефлексивного обоснования, которая в обыденном употреблении языка практически не встречается и даже противоречит его коммуникативным и когнитивным функциям. Естественный язык в философском дискурсе характеризуется «противоестественной» прагматикой, которая более далека от естественной («обыденной»), чем прагматика большинства искусственных языков науки.

Вернемся к поискам объективных оснований онтологического дискурса в области «грамматики», точнее – в области философии языка. Философия XX в. вполне данную задачу не только осознавала, но и многообразно исследовала в таких основных направлениях философии языка как аналитическая философия, (пост)структурализм и герменевтика.

Своеобразную, отрицающую традиционные онтологические категории «семантику» мы имеем и до философии языка. Так, И. Кант отказывался называть свою систему категорий «онтологией». Кант не признавал онтологию, в том смысле, что никакого систематического учения о метафизической реальности, по его мнению, нет и быть не может, поэтому он считал необходимым отбросить «гордое имя онтологии, заменив его более скромным именем аналитики рассудка». Не может ли кантовская трактовка категорий онтологии рассматриваться в качестве одной из первых

⁶⁸ См.: Петров М. К. Язык, знак, культура. М.: Наука, 1991; Петров М. К. Историко-философские исследования. М.: РОССПЕН, 1996. И другие его работы.

⁶⁹ См.: Анкин Д. В. Семиотика философии: философско-методологические аспекты. Диссертация на соискание степени доктора философских наук. Екатеринбург, 2004.

попыток их «семантизации»? Не в рамках философии языка, конечно (во всех трудах Канта нет ни одного параграфа специально о языке), а в рамках философии познающего разума, трансцендентального субъекта – в качестве исходных понятий чистого рассудка.

Чистой онтологии не существует. Философская онтология не автономна, а гетерономна, как в рамках философии, так и за ее пределами. Например, современная философия (и онтология в том числе), хоть и не включает уже в себя полностью, в отличие от философии прошлого, логику, психологию, языкознание и прочие гуманитарные исследования, превратившиеся в самостоятельные дисциплины, тем не менее, подвержена и даже в значительной степени определяема их влиянием. Философские онтологии в той или иной степени находят собственные объективные основания в категориях соответствующих дисциплин, современный онтолог необходимо должен обращаться к результатам логиков, лингвистов и т. д. Тем самым, для частной «головы» и приватной фантазии в современной философии остается все меньше и меньше места (что необходимо должно учитываться в системе современного философского образования).

Гетерономность философии существовала, конечно, всегда. Знание проблем соответствующей культуры, а для Европы – это, прежде всего, знание проблем науки и научного познания – существенно и необходимо для понимания самой философии. Действительно, что можно сказать человеку, который полагает, что для понимания Платона ему будет достаточно выучить древнегреческий и прочитать написанные на нем «аутентичные» тексты Платона?! Таким «ученикам» Платон, как известно, не позволял посещать его Академию: незнающий математики и прочих философских начал к исследованию чистых идей не допускался. Вовсе не через сложение букв в слова, а слов в предложения создавалась философия Платона и его школы!

Помимо «грамматики» ориентированной на естественный язык философии языка, объективной основой формирования философских категорий может выступать логика, не только и не столько в смысле логического анализа языка, сколько в более широком смысле. Примеры вполне сознательного логического конструирования онтологических категорий достаточно многочисленны. Например, даже философы схоласты решали свои онтологические проблемы, опираясь на идеи из области логической семантики, сказали бы мы сегодня. Поэтому их знаменитый спор об универсалиях, продолжается как одна из центральных, одна из наиболее важных тем всей современной онтологии.

Из современных версий логико-семантического обоснования онтологии можно вспомнить концепцию У. Куайна,

который разграничивает философов на две противоборствующие в сфере онтологии партии: партию последователей «Бороды Платона» и партию «Бритвы Оккама». Первые порождают многочисленные несуществующие объекты, вымышленные сущности, руководствуясь идеей «существования небытия». Как когда-то Платон заявил, что небытие в каком-то смысле все же есть, так и они заявляют, что имена самых подозрительных сущностей обозначают что-то в каком-то смысле существующее. За всяким трескучим философским термином, или выражением скрывается онтологический монстр, исчадие небытия, рожденная в недрах бороды Платона «нечисть». Вторые ведут борьбу с этой «нечистью». Пользуясь бритвой Оккама, они стараются грязную бороду небытия ликвидировать и всех «насекомых» — онтологических монстров, соответствующих подозрительным и излишним сущностям, — в ней размножающихся, раздавить. Да здравствует номиналистическая гигиена и да сгинет реалистическая нечистоплотность, вырастающая из бороды небытия!

Нельзя не согласиться, что Куайну вполне удастся обосновать корректность суждений о несуществовании тех или иных объектов. Впрочем, решение проблемы отрицательных экзистенциальных высказываний, доказательство их логической корректности и осмысленности Куайн заимствует у Б. Рассела. После расселовской теории дескрипций говорить о противоречивости суждений вида «*X* не существует», означает лишь проявлять собственное невежество, незнание основ анализа. Это только до Рассела философу было позволительно придирается с вопросами типа «что именно не существует», «каков предмет вашего отрицания и на каком основании Вы о нем все же что-то (пусть даже о его несуществовании) утверждаете?» и т. п. После Рассела мы прекрасно знаем, напоминает Куайн, что все подобные вопросы и придирки достаточно просто и логически корректно разрешаются.

Все вроде бы замечательно и номинализм торжествует, если верить Куайну, победу над онтологией реалистов. Настораживает только то, что сам создатель теории дескрипций — Б. Рассел — был к моменту ее разработки не совсем номиналистом, а даже наоборот — в некотором роде платоником, признававшим объективное существование чисел, логических классов и ряда других, весьма подозрительных с точки зрения последовательного номинализма объектов. Поэтому мы полагаем, что в дискуссии с Куайном по поводу дихотомии аналитического/синтетического Р. Карнап совершенно справедливо замечает, что, несмотря на все значение логической семантики для обоснования онтологии, необходимо все же

проводить между ними различие⁷⁰. Семантика одно, а онтология – несколько иное. Если согласиться с доводами Карнапа, то Куайн допускает смешение в чем-то аналогичное тому, какое имело место у схоластов в их спорах об универсалиях – видит в семантике некую онтологию.

Сам Карнап предлагает нам различать «внутренние вопросы» существования, на которые мы можем ответить, руководствуясь либо логическим анализом (в частности – теорией дескрипций), либо эмпирическим наблюдением (синтетические суждения) и «внешние вопросы» выбора «языкового каркаса» с той или иной семантикой. Последние решаются конвенцией относительно используемого языка и ни о каком существовании реальных объектов не говорят. Спор между номиналистами и реалистами теряет в таком случае свой онтологический статус, и вместо проблемы бытия некоторых объектов (в смысле их существования/несуществования), он сводится к проблемам выбора языка и его семантики, т. е. в значительной степени – к вопросу об эффективности номиналистического или реалистского языков для решения тех или иных проблем.

Несмотря на все различие в трактовках онтологии, семантики и эмпиризма, онтологические взгляды философов аналитиков (в самом широком смысле слова) все же имеют определенное единство. Свидетельством этого является проблема «небытия»⁷¹. Предпочитающие язык реализма аналитики – начиная с Парменида и заканчивая Хилари Патнэмом – не составляют какого-либо исключения. Как для Парменида все говорящие о «небытии» предлагают нам следовать по «Пути лжи», так и для современных аналитиков идея небытия остается верным признаком интеллектуальной распушенности и нечистоплотности.

Общим для аналитиков является принцип: экспликация есть элиминация. В отличие от онтологически трактуемой «бритвы

⁷⁰ См. статью: Карнап Р. «Эмпиризм, семантика, онтология» // Карнап Р. Значение и необходимость. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. С. 298–320. Данная статья может быть прочитана в качестве ответа Карнапа на известную статью Куайна (См.: Куайн У. В. О. Две догмы эмпиризма // Куайн У. В. О. С точки зрения логики. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. С. 45–80).

⁷¹ Категория «небытия» столь же неприемлема для аналитиков в области онтологии, сколь для Э. Гуссерля неприемлема категория «телесности» в области обоснования наук о духе (см.: Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век: Антология. М.: Юрист, 1995, С. 308–327). Самые ретивые интерпретаторы готовы найти у Гуссерля не только «телесность», но и историзм, а то и «историзмизм»! Впрочем, подобным образом у нас обращались и с классиками марксизма-ленинизма. Не исключено, что подобные интерпретаторы скоро усмотрят в феноменологии концепцию индивидуального субъективного сознания и сделают из Гуссерля релятивиста, т. е. превратят его в такого же «интерпретатора» как и они сами.

Оккама», с данным семантическим принципом не расстанутся полностью даже самые «реалистические» аналитики. Если термин нельзя заменить его определением или некоторыми синонимами, если мы не можем перевести его на язык других терминов, то отсюда с необходимостью следует, что мы сами не понимаем данный термин и не ведаем, что говорим, когда пытаемся его использовать. Тот, кто не может или не хочет элиминировать по просьбе собеседников некоторые из используемых терминов посредством их исчерпывающего разъяснения – определения, перифразы и т. п., – кто гипнотизирующий шум модных словечек ценит больше совместного поиска истины, тот интеллектуально «нечистоплотен». Не совпадая полностью с онтологическим лезвием Оккама, данный принцип все же способен устранять семантические формы философской «нечисти».

И все же нам представляется, что рационалистические метафизики имеют достаточно независимые от проблем чистой семантики законы своего возникновения и существования. Один из таких источников метафизики видится нам, как это ни странно, в природе самой научной теории, в особенностях теоретической деятельности. Если согласится с аргументами Э. Гуссерля, К. Поппера и ряда других исследователей, то научно-теоретическая – рефлексивная, критическая – деятельность возникла впервые в европейской культуре, как одна из универсалий европейского человечества и как важнейшая особенность его традиции (ныне, конечно, принадлежащая уже всему миру, ставшему единой «Европой»)⁷².

Семантический аспект процесса возникновения и развития метафизики видится нам в процессе гипостазирования, т. е. превращения имен абстрактных теоретических объектов в имена реальных метафизических сущностей – в «конкретное», духовно-практическое, идеологическое («мифологическое»). В эту интересную тему мы здесь углубляться не будем, чтобы иметь возможность продолжить свой обзор современных поисков семантических оснований онтологии.

Если некоторые традиционные онтологические проблемы являются в своих основаниях «внешними», как говорит Карнап, или семантическими вопросами, то нельзя ли поискать какую-нибудь семантическую параллель и к рассматриваемой нами и столь одиозной, как мы отметили выше, с точки зрения всех философов аналитиков категории «небытия»? Для этого, попытаемся перевести некоторые результаты из области современной философии языка, полученные Д. Дэвидсоном⁷³, на более традиционный онтологический язык.

⁷² Нас здесь не интересует вопрос: в силу каких именно культурно-исторических обстоятельств это случилось?

⁷³ Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы // Аналитическая философия: избранные тексты. М.: МГУ, 1993. С. 144–158.

Целесообразность вроде бы продуктивной идеи «языковых каркасов» Дэвидсон подвергает сомнению на том основании, что она самопротиворечива в контексте теории перевода. Дэвидсон полагает, что данная идея необходимо должна приводить к тезису об абсолютной непереводимости, о невыразимости некоторого содержания внутри того или иного языкового каркаса. Остановимся на интерпретации некоторых результатов Дэвидсона.

Говорить о непереводимости или о невыразимости некоторых смыслов равнозначно тому, чтобы говорить:

1. Что эти смыслы как-то существуют в некотором языке.
2. Что любая попытка их выражения (перевода) в ином языке должна быть признана неудачной.

Достаточно очевидно, что (1) противоречит (2). Аргументация примерно такова: если мы говорим об абсолютной неудаче перевода (или выражения) того или иного содержания (смысла), то мы обязаны иметь какой-то критерий, позволяющий об этом судить. Однако если бы критерий для абсолютной неуспешности у нас имелся, то его логическое отрицание было бы критерием относительной успешности перевода (отрицание общеприятельного суждения дает частноутвердительное). Поскольку же для относительной успешности критерий теперь имеется, постольку будет самопротиворечиво утверждать об абсолютной невозможности перевода, ибо мы можем использовать данный критерий для осуществления относительно удачного перевода.

Против идеи относительной неуспешности перевода Дэвидсон также приводит рациональные аргументы, однако они уже не имеют столь строгого дедуктивного характера и могут оспариваться. Можно интерпретировать идею «языковых каркасов» («концептуальных схем» языка и тому подобного) в духе идеи относительной непереводимости, ибо аргументация Дэвидсона против данной идеи не фатальна. Поэтому позицию Карнапа можно отстаивать, если только она не онтологизируется и не абсолютизируется в духе релятивизма; вполне возможно говорить о формах реляционности языковых значений, совместимых с признанием объективной истины и независимой от языка реальности.

Другое дело, что аргументы против относительной непереводимости не так просто подвергнуть сомнению в рамках рациональной аргументации. Разрушая релятивистские истолкования «онтологической относительности» Куайна, стремясь выявить рациональный смысл данной концепции, Дэвидсон приводит в качестве примера различие температурных шкал по Цельсию и по Фаренгейту. Спросим себя: если в данном примере можно было бы усмотреть относительную неуспешность перевода, то в чем бы она заключалась? Очевидно, что отстаивать неуспешность перевода в случае

температурных измерений по Цельсию и Фаренгейту недопустимо даже в сколь угодно ограниченном, в сколь угодно относительном смысле. Не является ли поэтому и идея относительной непереводимости источником мракобесия и интеллектуальной бесчестности? Мы воздержимся от ответа на последний вопрос, поскольку не имеем для этого достаточных оснований.

Дж. Лакофф полагает, что непереводимость и непонимание могут расходиться между собой⁷⁴. В подобном случае относительная непереводимость могла бы иметь место.

Мы считаем, что решать соответствующие проблемы следует на основе разграничения между истинностью и языковым значением, на основе признания независимости истинности или ложности наших утверждений от того языка, на котором они сделаны (подумайте только: что можно сказать о переводе некоторого утверждения, изменяющем его истинность на ложность или ложность на истинность?!). Наиболее последовательно из философов аналитиков данного разграничения придерживался в своих работах К. Поппер. Что значения — это не мысли и что они не могут быть ни истинными, ни ложными с этим нельзя не согласиться. Язык сам по себе не мыслит (за пределами психиатрических больниц и демагогических сборищ), если только не выражаться метафорически и поэтически. Одним из доводов в пользу этого является то, что человек может мыслить не только в разных языках, но и в различных знаковых системах неязыкового типа (образных, сигнальных, символических и прочих). Другое дело, что согласившись, вслед за Поппером, с необходимостью отделения эпистемологии и онтологии от семантики, вряд ли можно согласиться с другим его утверждением: с тем, что проблема значения есть «чисто словесная проблема» и к серьезной философии никакого отношения иметь не может. Из того, что семантика не есть ни эпистемология, ни онтология не следует, что она не имеет философского значения, в том числе и для эпистемологии, и для онтологии.

Также как истина не зависит от значения, существование (=бытие)⁷⁵/несуществование также не зависят от языка и значения. Рациональное решение проблемы онтологического статуса

⁷⁴ См. Гл. 18. «Уорф и релятивизм»: Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 351-395.

⁷⁵ Если читатель не будет настаивать на схоластических (и в точном, и в переносном значении данного слова) дистинкциях, мы позволим себе отождествлять данные категории, как то делалось у греков, Канта и у аналитических философов. Это не исключает возможности разграничения данных категорий, но уже за рамками проблем которые нас в данный момент интересуют. Действительно, было бы очень глупо настаивать на разграничении категорий «бытия» («Бытия»!) и «сущего» в рамках рассмотрения семантических методов современной философии языка.

языка видится нам в некотором синтезе карнаповской идеи семантического анализа языковых конвенций («языковых каркасов») с попперовской идеей независимости истины и бытия от данных конвенций, т. е. в признании данных «каркасов» сущностями «мифическими», т. е. идеальными, а еще точнее – семантическими. Главный же онтологический вывод таков: граница между значением и существованием, между семантикой и онтологией должна соблюдаться и «охраняться» во всякой серьезной философии не менее строго, чем указанная Поппером граница между значением и истиной.

Остается нерешенным вопрос: какой смысл можно было бы все же признать (согласно нашим собственным намекам) за идеей относительной непереводаемости? Попробуем выдвинуть некоторые аргументы (правда, лишь косвенного характера) и провести аналогии. Представляется, что идея «непереводаемости» в философии Дэвидсона играет роль в чем-то аналогичную идее «небытия» в аргументации Карнапа или Куайна. Идея абсолютной непереводаемости чего-либо с одного естественного языка на другой должна, по видимому, оказаться либо идеей абсурдной либо жульнической. С этим легко согласиться. Говорящий о непереводаемости намекает, что лично ему эти «непереводимые» смыслы каким-то особым образом известны (через авторитетное свидетельство, интуицию или как-то иначе). Иначе откуда бы ему знать об их непереводаемости? Однако данные смыслы почему-то недоступны его слушателям, поэтому-то, дескать, он имеет право свидетельствовать об их непереводаемости, несмотря на отсутствие общезначимого критерия. Мы полагаем, что требовать подобным образом уважения к суждениям философского характера, если для их принятия не имеется никаких объективных оснований, может только не вполне честный мыслитель («жулик»).

Параллель между аргументацией против небытия и аргументацией против непереводаемости можно продолжить. Отстаивая существование небытия, Платон, тем не менее, согласен с Парменидом, что никакого абсолютного небытия нет и не может быть. Платон признавал только относительное небытие – исключительно в качестве инобытия. А если так, то «борода Платона» выглядит не настолько уж страшно, как то представлялось Куайну, а видится даже достаточно опрятной и в меру причесанной. Вспомним аргументы Дэвидсона, которые делятся на аргумента против абсолютной и аргументы против относительной непереводаемости чего-либо. Абсолютная непереводаемость может пониматься как аналог, семантический эквивалент, а при желании даже как пример онтологической идеи абсолютного небытия. Я полагаю, что если бы Платон был жив, он бы без сомнения с аргументами Дэвидсона

против абсолютной непереводимости согласился. Как рациональные европейцы уважающие, вслед за Парменидом, дедуктивное доказательство больше дружбы и больше всех иных частных соображений («интересов»), Дэвидсон с Платоном в этом отношении, конечно, договорились бы. Сложнее дело обстояло бы с аргументами Дэвидсона против возможности относительной непереводимости, которые Платон, скорее всего, попытался бы оспорить на том основании, что относительным несуществованием смысла можно считать (называть, именовать) его инобытие, т. е. его искаженное иным языком, иной «концептуальной схемой» бытие⁷⁶. Кто из них кого и в какой степени переубедил бы, или оба остались бы при своем исходном убеждении – не нам судить.

В предложенных вниманию рассуждениях мы старались показать, что современная онтология имеет не менее объективные основания, в частности семантические, чем эпистемология, философия науки или какая-либо иная область. Безосновательные «роды» в онтологии так же мало могут привести к успеху, как и в других разделах современных философских исследований; аргументы современных онтологов все больше напоминают действия опытных акушеров и все меньше действия находящихся на сносях рожениц.

---

⁷⁶ Хотя это и не совсем согласуется с идеей Платона об истинности имен «по природе». Ведь если есть абсолютная истинность, то должна, наверное, как-то быть возможна и абсолютная ложность? Однако поиски аутентичной точки зрения Платона на язык и имена к общему согласию историков философии, к сожалению, не привели (в том числе и в отношении теории истинности имен «по природе» неясно насколько она соответствует взглядам на язык самого Платона). Историческими проблемами интерпретации взглядов Платона мы заниматься здесь не будем.